

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

По секрету всему свету

«Научная книга»

Серова М. С.

По секрету всему свету / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

В провинциальном городе прошла серия убийств одиноких стариков. Вот и еще одна старушка умерла, якобы от сердечного приступа. Ее внук, который стал для милиции главным подозреваемым, нанимает частного детектива Татьяну Иванову, чтобы она разобралась в смерти бабы Вари и сняла с него нелепые подозрения. Все в этом деле говорило о том, что смерть наступила естественным путем, без постороннего вмешательства. Если бы... не маленькая зацепочка: ключи от входной двери, пропавшие из связки бабушки... Таня понимает, что все не так просто. Опросив соседей, она выясняет, что в тот вечер, незадолго до смерти, старушку посетила молодая женщина...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

По секрету всему свету

Пролог

Москва, ноябрь 1920 года

Вдоль Пречистенки косым штрихом летели хлопья мокрого снега. Они ложились дражным марлевым покрывалом на мостовую, тут же мешаясь с осенней грязью, путались в гривах извозничьих лошадей, залепляли лица прохожих. Батюшки, ну и погода!

Склонив голову в суконной беретке, навстречу ветру быстро шагала молодая женщина, одетая скромно, но не бедно. Она шла почти тем же самым маршрутом, по которому спустя несколько лет плелся за своим благодетелем бездомный пес Шарик, увековеченный Булгаковым. Однако многих вывесок из тех, по которым будущий Полиграф Полиграфович учился читать, еще не было: разгульный ветерок нэпа еще не наполнил наши паруса, унося прочь от мрачного острова под названием «военный коммунизм»...

Не доходя Обухова переулка, дама в беретке свернула в переулочек с оптимистическим названием Мертвый. Здесь ветер дул потише, а строй снежинок ломался, превращаясь в хаотичное броуновское движение. Но наша прохожая, едва оказавшись в Мертвом, почему-то замешкалась. Она нервно огляделась по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, нырнула в подъезд обшарпанного дома. Через минуту из этого подъезда вышла баба, до самых глаз закутанная в платок, и застучала каблучками дальше по переулку. И только по стуку этих каблучков да еще по подолу шерстяной юбки, на который не хватило огромного «маскировочного» платка, можно было признать в этой чухонке недавнюю дамочку.

Шагов через сто, снова осмотревшись, она свернула в подворотню с прибитым над нею большим жестяным номером дома. Налево... Направо... Опять налево и – вниз по стертым ступенькам. Скрип двери... Толчею снежинок в порывах ветра сменил мрак зловонного коридора, холодного и сырого. Где-то в отдалении гремели кастрюли и переругивались два голоса, женский и мужской. Стараясь не стучать каблучками по дощатому полу, на цыпочках она прошла по коридору, толкнула дверь в самом конце – и только тут перевела дух.

– Мама?..

Никто ей не ответил. В крошечной комнатухе с низким потолком было почти совсем темно. Единственный источник света – печка-буржуйка – озарял неверными бликами железную кровать в углу, какой-то хлам... Потянув ноздрями воздух, женщина поморщилась: ничуть не свежее, чем в коридоре. Только, пожалуй, еще холоднее. С тревожно бьющимся сердцем она пробралась к кровати и опустилась на колени перед лежащей на ней старухой. Та была укрыта тряпьем до самого подбородка, обтянутого словно серым пергаментом.

– Мама, вы спите?.. О господи, вам совсем плохо!

Старуха пошевелилась и застонала. В щелочках ее глаз зажглись крохотные отсветы слабого пламени печи.

– Кто здесь?..

– Мамочка, это я, Мария! Простите ради бога, вчера никак не могла вырваться. Но вы лежите... Что, стало хуже? Господи, как же у вас холодно...

– Мари, доченька! – Старуха сделала попытку высвободить руку из-под своих покровов, но это ей удалось только с помощью дочери. – Ничего, ничего. Это я так... Просто... устала. Я очень рада тебя видеть, та chere... милая Мари. Но тебе не надо приходить сюда так часто. Я беспокоюсь за тебя...

Рука с синеватыми прозрачными пальцами приподнялась, пытаясь дотянуться до щеки Марии. Дочь схватила ее обеими руками и, припав к ней губами, бережно опустила на кровать.

– Не говорите так, мама. Если бы вы знали, что я чувствую... из-за того, что не могу быть с вами! Особенно сейчас... Но так будет не всегда. Вы поправитесь, и мы что-нибудь придумаем, чтобы видеться чаще. Вы обязательно поправитесь, слышите, мамочка?! Я тут вам принесла хорошее лекарство, муж достал. Барсучий жир: говорят, помогает. И из продуктов кое-что...

Она рванулась было к саквояжу, который оставила у входа, но мать удержала ее:

– Спасибо тебе, дорогая. И мужу твоему передай мою благодарность. Слава богу, он порядочный человек, даром что из комиссаров...

– Он не комиссар, мама. Просто чиновник в Наркомземе. Правда, сейчас ваш зять занимает довольно высокий пост, и именно поэтому мы пока не можем устроить вас получше, но он обещал...

– Ах, какая разница, Мари! – слабо отмахнулась ее мать. – Раз служит Советам – значит, комиссар. Главное, он не самый плохой из них. Но речь сейчас не об этом. Присядь-ка, я должна сказать тебе нечто важное.

Не выпуская руку старухи, женщина примостилась на краешке кровати.

– Мари, дорогая моя, я скоро умру...

– Ах, мамочка, что вы такое говорите! Вы обязательно...

– Прощу тебя, выслушай, не перебивай!

Голос больной возвысился и неожиданно окреп, чего никак нельзя было предположить по ее виду.

– Я понимаю, как тебе нелегко это слышать. Но мы должны смотреть правде в глаза. Уже три дня идет кровь горлом, и ты лучше меня знаешь, что это значит.

– О, мама!..

Мария закрыла лицо руками. Плечи ее затряслись. Старуха потянулась к ней, хотела что-то сказать, но вместо этого зашлась кашлем. Судорожно зажала рот какой-то грязной тряпкой... Дочь заметалась над ней, запричитала. Страшная сцена длилась несколько минут, потом приступ прошел.

Когда умирающая заговорила снова, ее голос звучал совсем тихо и глухо. Зато чахоточный румянец поборол трупную бледность щек и стал заметен даже в темноте каморки.

– Теперь ты все видишь сама, девочка моя. Не надо обманывать себя: осталось совсем немного... Я прожила хорошую жизнь, Мари, и ни о чем не жалею. Я была счастлива с твоим отцом – да упокой господь его душу... Мы родили хороших детей. Скоро я встречу там... с графом Андреем и Николенькой, твоим братом. Об этом только и молю Всевышнего. Теперь уже скоро, милая Мари...

Синие губы исказило подобие улыбки. Дрожащая рука скользнула по волосам дочери, сбив назад суконный беретик.

– Нет, моя дорогая! Я солгала тебе. Не верь, что твоя мать ни о чем не жалеет. И что она молится только об усопших... Моя последняя и самая горячая молитва – о тебе, доченька! И... о той жизни, которую ты носишь под сердцем. Я давно хотела повиниться перед тобой... Тогда, в восемнадцатом, я сказала тебе... Помнишь? Страшные, злые слова... Ты прости меня, Мари! Пожалуйста, если можешь...

– Мамочка, не надо об этом сейчас! Что вы...

– Нет, надо! Пойми, другого времени у нас не будет. Мне все труднее говорить, а я еще не сказала самого главного. Я кричала тебе тогда, что прокляну, если ты уйдешь с ними. И что твои отец и брат тоже прокляли бы тебя, будь они живы. Но на самом деле, Мари, я так не думала. Никогда! А сейчас – тем более. Ах, что я говорю... «Сейчас»! Что такое это «сейчас», та chère Мари?! Разве с тех пор, как ты училась в Смольном институте, прошло всего шесть

лет? Прошли столетия, эпохи... Мир перевернулся, моя милая, и мы все – только осколки разбитого вдребезги. Не склеишь... Должно быть, мы и в самом деле жили как-то не так, не замечая страданий вокруг нас. Теперь-то, когда я провела в этой дыре много долгих часов в ожидании смерти, у меня было достаточно времени, чтобы подумать об этом. Быть может, если б я поняла это раньше, и другие тоже, наша жизнь сложилась бы совсем иначе, и не было бы всех этих ужасов...

Графиня помолчала, восстанавливая сбившееся дыхание: столь продолжительные монологи были ей уже не под силу.

– А вот ты поняла это, моя девочка. Тебе хватило смелости войти в эту новую жизнь. Пока еще хаотичную, страшную, но, быть может, не лишенную смысла?.. Не знаю, милая Мари, я уже ничего не знаю! Но я страстно, всеми оставшимися у меня силами желаю тебе счастья, слышишь?! Наклонись ко мне... Твоя мать благословляет тебя, Мария! Тебя и твоего будущего ребенка. Ты любишь этого человека, своего мужа, – это главное... Уверена, что твой покойный отец поступил бы так же. Дай вам бог!

– Спасибо, мама. Дорогая моя... Вы бы отдохнули, не надо больше говорить. Согреть вам чаю? Я вас сейчас покормлю.

– Нет-нет, я не голодна. Я отдохну. Отдохну... Ты не тревожься, доченька. Но я еще не закончила. Осталось одно – последнее... Мари... Видишь там, за печкой, крысиную нору?

– Да, вижу...

Дочь смотрела на старуху с удивлением и ужасом: ей показалось, что больная уже не в себе.

– Пожалуйста, просунь туда руку и сдвинь половицу – она легко сдвигается, если подцепить сбоку. Только сначала топни ногой, а то эти крысы совсем обнаглели.

– Что вы, мамочка, зачем?!

– Сделай как я прошу – сама увидишь.

Послушная дочь протиснулась за буржуйку и проделала все в точности так, как просила ее мать. Когда она вернулась к постели умирающей, в руках у нее была маленькая коробочка из-под леденцов монпансье – давно забытый образ из петербургского детства с Летним садом и кондитерскими на Невском...

– Что это?

– Открой.

Внутри оказалось что-то, завернутое в шелковую материю, в которой Мария с замиранием сердца узнала ткань платья, сшитого к ее первому балу. Боже мой, когда ж это было?.. Дрогнувшей рукой она развернула тряпицу – и не смогла сдержать сдавленный крик. Зажала себе рот рукой и без сил опустилась на кровать: ноги сразу стали ватными...

– Но мама?! Бог мой... Я думала...

– Тише, Мари! Прошу тебя, говори тише. Не для того я сохранила это, чтобы теперь потерять.

Старуха могла бы и не напоминать дочери об осторожности. Несколько минут та была не в состоянии произнести ни слова, разглядывая свою находку. На белой материи лежала бриллиантовая брошь. Марии показалось, будто в комнате сразу стало светлее – она даже зажмурила глаза. Буря чувств и воспоминаний захлестнула ее.

Она поднесла брошку поближе к пламени буржуйки – чтобы мать тоже могла видеть.

– Но я была уверена, что она погибла в том страшном пожаре в апреле восемнадцатого! Когда сгорело все, что не успели конфисковать... Как же вам удалось?

– Лиза, твоя горничная, вынесла кое-что из вещей, которые были хорошо припрятаны. Один из тех ужасных матросов, что охраняли дом, был к ней благосклонен... Словом, девушке удалось избежать обыска. Только благодаря этому я и выжила тогда, ты знаешь.

– Невероятно... И вы хранили это почти два года, мама! Зачем? Ведь вы не раз были на грани голодной смерти, а такую вещь можно было выгодно обменять на продукты!

– Ах, моя милая... Зачем ты спросила? Да разве можно это объяснить... Может быть, я цеплялась за нее как за последнее, что у меня осталось от прошлого. Может, я жила безумной надеждой, что, сохранив эту безделицу, я смогу когда-нибудь вернуть и ту жизнь, символом которой она для меня стала... Теперь вижу, как я была наивна. Ничего нельзя вернуть!

Наступила долгая пауза. Наверное, перед мысленным взором старухи за несколько минут прошла вся ее жизнь. Она прощалась со своим прошлым. Да и с настоящим тоже – которое последними песчинками просачивалось в узкое горлышко часов, неумолимо приближающих Вечность...

Дочь не мешала ей. Она все еще держала в руках жестяную коробочку.

– Ты здесь, Мари?... – Графиня медленно и трудно возвращалась в исходную точку своего «путешествия». – Тебе пора идти, дорогая. Долго оставаться здесь небезопасно, ты это знаешь.

– Но что мне делать с этим, мама?

– Как это – что?! Эта брошь принадлежит тебе. Для тебя я ее и сохранила. Твой вопрос звучит странно, девочка.

– О господи, мамочка! Да эта штука мне руки жжет! Страшно подумать, что будет с мужем, если про это узнают!

– Твой муж здесь ни при чем. Ему про это знать не обязательно. Позаботиться о своем ребенке – долг матери, Мари. Если тебе самой не нужна вещь стоимостью в две с половиной тысячи золотых рублей, то твоему наследнику она может пригодиться. Будь же разумной!

– Хорошо, хорошо, мама, не волнуйтесь. Я беру.

Отвернувшись, Мария быстро спрятала коробочку куда-то под одежду.

– Bien, ma chère. Я не желаю больше говорить об этой безделице. Теперь иди. Твоя мать устала и хочет отдохнуть.

– Вы отдыхайте, мама. Я еще немного посижу с вами – пока не начало темнеть...

... Когда на улице совсем стемнело, старуха тихо умерла во сне. Через два месяца ей исполнилось бы сорок шесть лет...

Глава 1

– Танюша, дорогая, это я! Можно к тебе на минутку?

Господи, этого мне еще не хватало... В дверной глазок я увидела соседку – и невольно приснула в кулак. Водянистые глаза навывае вообще трудно назвать красивыми, а тут еще все эти линзы... Мою дверную оптику дополняли толстые стекла старушечьих очков по ту сторону порога. Вздохнув, я загремела запорами.

– Проходите, проходите, Альбина Михайловна. Чем могу?

Опять небось надо денег взаймы. Нет, мне не жалко, я понимаю: пенсию постоянно задерживают, лекарства нынче дороги, а Альбина Михайловна без пилюль, капель и порошков жить не может. Она состоит из них на девяносто процентов. Но эта дама, по-моему, из тех людей, которым сколько ни дай – все мало. Хоть лекарств, хоть денег...

– Танюша, ты извини, что я так рано, но тебя сейчас так трудно застать, так трудно...

Да уж... Не прошло и двух часов после трудной «ночной смены»! А мне только-только начал сниться такой приятный сон: будто я иду в банк и обналичиваю целую пачку чеков хрустящими столлларовыми бумажками... Они хрустели все громче и почему-то все противнее, пока я не поняла, что это трезвонит дверной звонок...

– Все дела, Альбина Михайловна. Тяжела ты, лицензия частного детектива! – кисло скалмбурила я. – Так что у вас стряслось?

– Да у меня-то, слава богу, ничего. Пенсию вчера принесли, и котик мой поправился: спасибо тебе, Танюша, выручила, дала сто рублей на ветеринара. Они ведь все ушли как одна копеечка, представляешь? Ох, страсти-мордасти... Я себе не могу таблетки купить за семьдесят, а тут коту за три укола сотню вывалила!

Не дожидаясь приглашения, Альбина Михайловна проследовала напрямик на кухню и, усевшись на табуретку, по многолетней привычке стала озираться вокруг. Синдром любопытства!

– До чего же у тебя уютно, Танечка! Какой плафончик миленький...

– Альбина Михайловна, вы ж на него уже два года смотрите! – Я начинала терять терпение. – Может, вы мне все же расскажете, что вас ко мне привело? Я, знаете, сегодня всю ночь не спала, и...

– Конечно, конечно, дорогая, извини меня! Заболталась старуха... Я хотела посоветоваться с тобой насчет своей подружки, Вари Прониной. Варвары Петровны то есть, – поправила моя гостья. – Она тут по соседству живет, в пятьдесят втором доме.

– А что с ней?

– Да понимаешь, Танюша... Даже и не знаю, что сказать тебе. Пока ничего не случилось, только... что-то странное у нее творится в последнее время!

Соседка таинственно понизила голос и еще больше выкатила глаза. А в моих, должно быть, появилось выражение тоскливой обреченности. Оправдываются самые худшие опасения: мне предстоит выслушивать старушечьи бредни и делать вид, что принимаю их на полном серьезе. «Что-то странное»... Могу себе представить!

– Какие-то непонятные звуки, шорохи... Голоса мерещатся... Иногда кто-то звонит в дверь, а за ней – никого! Я сначала думала, у Вари с головой не в порядке, говорю ей: ты бы, мол, попила что-нибудь от склероза, ну, этот, как его... Ладно, неважно! А на днях сижу у нее в кухоньке, как вот у тебя сейчас, а в дверь тихонько так – тук-тук... И вроде скребется кто-то. Спрашиваем – молчат! Ну, тут уж, скажу я, и мне жутковато стало, Танечка: хоть и белый день на дворе, а случись что – кто поможет? Да и много ли нам, божьим старушкам, надо: тюкнут слегка по голове – вот и все дела! В общем, Танюша, с того дня у меня стало больше веры к Вариним «метаморфозам». Не могло же нам сразу двоим померещиться!

– Ну, Альбина Михайловна! Если каждый стук в дверь считать «чем-то странным», то всем нам давно было бы место в психушке! Кстати, если расценивать его как предпосылку какой-нибудь кровавой трагедии – то же самое... Пацаны хулиганят! Ко мне тоже, бывает, звякнут – и бегом, только топот по лестнице...

– Нет, Танюша! Не думаю, чтобы это мальчишки были. Петровна-то на пятом этаже живет, самом последнем. У них на лестничной клетке и детей-то нет никого, а чужим мальчишкам, с улицы, больно высоко забираться. Тем более никакого топота слышно не было, мы долго стояли под дверью, притаившись... Ты знаешь, что я думаю по этому поводу? – Альбина Михайловна наклонилась ко мне через стол и опять понизила голос, словно нас могли подслушать: – Соседи это ее хулиганят: Светка из пятидесятой квартиры со своим сожителем-алкашом. Это уж точно, Танечка!

– Почему вы так думаете? Что это еще за кадры?

– Кадры еще те! Вот уж «повезло» бедной Варюше с соседями, нечего сказать... Светка эта самая когда-то торговала в нашем овощном – помнишь, был тут за углом? Нет, ты ее там не могла видеть, это еще до тебя было. Потом стала попивать с друзьями, вся истаскалась, да еще вроде бы какая-то растрата у нее приключилась... Словом, выперли ее из магазина. Не знаю уж, где она потом обреталась, а только когда я познакомилась с Варварой Петровной – года четыре назад, в собесе, – оказалась эта Светка ее соседкой: дверь в дверь. Страшно взглянуть, во что превратилась! Не знаю уж, сколько ей теперь годков – должно быть, лет пятьдесят. А может, и пенсию уже получает, у нас ведь всех теперь уравнили: работал ты как конь или так, с бухты-барахты...

– Ладно, а зачем же соседке сживать со свету Варвару Петровну?

– А просто так – из спортивного интересу! Отношения у них с самого начала не заладились. Варя хоть женщина и тихая, скромная, а беспорядку не терпит никакого, обязательно замечание сделает, не смолчит. Уж я ей сколько раз говорила: ох, достанется тебе когда-нибудь, Варюша! Народ нынче дикий, как звери вскидываются от одного слова против, а уж молодежь – и говорить нечего... Ну вот, а у Светки с ее хахалями что ни день – пьянки-гулянки, то с песнями, то с мордобоем. Сейчас она уже два года живет с очередным: этот похлеще всех прежних будет. Варвара пару раз замечания сделала – ну невозможно же жить! Они ее, как водится, облаяли по-всякому, а она не стерпела, написала участковому. Милиция эту парочку маленько приструнила, ну, а им-то не понравилось, конечно! С тех пор и пакостят старухе как могут, сволочи. То обзовут без свидетелей, то дверь чем-нибудь вымажут, стенку исцарапают или еще что. А теперь у них, видать, новые фантазии: хотят запугать Варю всякой чертовщиной.

– Ну что же... Может быть, и так. А что – она совсем одинокая, Варвара Петровна? Дети, внуки есть? Намылить надо шею этим козлам... пардон, соседям, как следует и тоже без свидетелей, чтобы впредь обходили старушку стороной. Что – некому?

– То-то и дело, что некому! Один только внук у Вари и есть, он отдельно живет. Но Андрюше она не говорит про эти дела: не хочет расстраивать. А то еще впутается в историю с этими алкашами чертовыми... Андрюша – славный мальчик, Танечка. Такие теперь редкость. Закончил институт, работает в одной фирме программистом – по компьютерам, одним словом. И платят, Варя говорила, прилично: даже ей помогает, вот какой молодец! Навещает бабушку часто, не то что другие лоботрясы... Знаешь, Танечка, дочка Варина единственная – мать Андрюши – умерла лет пять назад. Незадолго перед тем, как мы с Варюшей познакомились. Она тогда сама не своя была, да и теперь еще не оправилась полностью: горе-то какое! Андрей с матерью жил, с отцом они еще бог знает когда развелись. Хотел после маминой смерти бабушку к себе забрать, а Варвара не пошла: парню жениться не сегодня-завтра, зачем им там старуха, в самом деле? Но квартиру свою приватизированную, само собой, Андрею подписала. Очень она боялась, Танюша, что мальчик, оставшись один, без пригляду сорвется с тормозов, пойдет по плохой дорожке: свобода, сама понимаешь... Но ничего подобного! Умница парень –

одно слово. И вот теперь, слава богу, собрался наконец жениться: услышал господь Варины молитвы! Пора: двадцать шесть ему уже, Танечка. «Ладно, говорит, бабуля, скоро тебя пораду: нашел себе невесту. А то ты меня уже достала – женись да женись...» Нет, отличный парень Андрей, дай бог ему счастья!

Мне с трудом удалось заткнуть этот словесный вулкан собственной репликой.

– Ну и зря бабуля ему все не расскажет, раз он такой отличный! Пусть тогда опять в милицию обращается: они этих придурков как следует пугнут. А я-то чем могу помочь, Альбина Михайловна?

Она молитвенно сложила руки.

– Танюша, пожалуйста, поговори с Варей! Очень тебя прошу. Мне кажется, она и мне не все рассказала. Может, они ей пригрозили, не знаю... Словом, я не могу этого объяснить, но почему-то мне за нее тревожно. Ты меня понимаешь?

Я обреченно кивнула, хотя на самом деле понимала только то, что имею дело с ярким проявлением старческого маразма. Только пока неясно – чьего именно.

– Я знаю, дорогая, что ты очень занятой человек, и у тебя хватает других забот, и, конечно, ты привыкла получать за свою работу хорошие деньги. Варя, конечно, не сможет тебе заплатить, а я – тем более... Но ведь я многого и не прошу, Танечка! Просто зайди к ней между делом, поговори – и все. Ну, пожалуйста, дорогая моя – ради нашей дружбы!

Я подняла руки: сдаюсь! Но ради чего именно я пошла на эту жертву – Альбине Михайловне говорить не стала. Пусть думает, что ради нашей дружбы...

– Хорошо, хорошо! Зайду. Будем считать, что это произойдет действительно «между делом», а потому гонорар я с вас требовать не стану. – Мне пришлось усмехнуться, иначе Альбина Михайловна вряд ли поняла бы мою шутку. – Так вы сказали, дом номер пятьдесят два? А квартира?

– Пятьдесят первая, Танечка. Спасибо тебе, дорогая! Так я скажу Варюше, что ты зайдешь?

– Скажите, скажите. Только сегодня не обещаю: мне сейчас выспаться надо, а вечером снова «в дозор»...

– О, конечно! Я понимаю, Танюша. Ты – гордость нашего дома, я всем это говорю. Частный сыщик – это... ого-го!

Не знаю, что она имела в виду под «ого-го», но при этом приняла показательную позу культуриста. Впрочем, я знаю доподлинно, что Альбина Михайловна – большая поклонница детективного жанра в литературе и кино, а значит, можно предположить, что и к живому представителю этого жанра относится вполне искренне.

– Благодарю. В наши дни редко встретишь подобное понимание со стороны ближнего. Только я вас умоляю, Альбина Михайловна, кстати, не в первый раз: не надо объявлять по всему Тарасову, что частный детектив Таня Иванова живет именно в этом доме! Я вовсе не стремлюсь к популярности. В нашем деле... что?

– Знаю, дорогая, знаю! Лучше замаскировался – дольше прожил. – Альбина Михайловна указательным пальцем с накрашенным ногтем замкнула свой рот. – Буду молчать как могила!

Я почти на руках вынесла из квартиры «минутную» гостью, задержавшуюся на добрых сорок, нарочито погрохотала замками – чтобы она не услышала из-за двери, как я тихо чертыхнулась. И через пять минут уже спала.

Глава 2

В маленьком уютном кафе на Московской было тепло, звучал сердцешипательный голос Иглесиаса, и даже кофе был вполне сносен. А главное – напротив меня за столиком на двоих сидел старый друг Гарик Папазян, который как никто другой умеет поднимать мне настроение. Правда, с одной маленькой оговоркой: когда сам он находится в дружески-благодушном настроении. А такое с Гариком случается крайне редко. Куда чаще в нем бурлит дух донжуана с двадцатилетним стажем (при его тридцати с небольшим от роду!), а в таком состоянии Гарик меня не только волнует как мужчина, но и очень утомляет. Вот почему я предпочитаю видеть в нем лишь друга, и это с первого дня нашего знакомства является причиной наших разногласий.

Однако сейчас Папазянчику взбрело на ум взять небольшой «тайм-аут», и все разногласия были временно забыты. Вернее, были забыты разногласия личного характера, а профессиональные – остались. Ибо, в каком бы благодушном настроении ни находился Гарик Хачатурович, он никогда не забывает о том, что я всего лишь частный детектив, а он – капитан милиции и без пяти минут заместитель начальника уголовного розыска Тарасова.

Правда, он и сам любит повторять, что при его «неординарных» отношениях с начальством пять минут могут растянуться на пять десятилетий, но это дела не меняет. Я готова признать, что Гарик – самый нахальный из всех известных мне хвастунов. Но, во-первых, когда он называет себя «лучшим сыщиком нашего времени», то преувеличивает, в сущности, самую малость: на самом деле Папазян только на втором месте, лучший сыщик – это я... А во-вторых, он армянин, и это тоже должно учитываться как смягчающее обстоятельство.

– Таня, ты сечешь, как ловко я накрыл этого козла из собеса? Ну, того, который поставлял Ухарю информацию по так называемому «делу десяти старичков»?.. Экстра-класс, дорогая! А впрочем, как ты можешь усечь, если я тебе этого не скажу, ха-ха-ха! – Гарик в полном восторге прищурился на меня сквозь бокал белого молдавского вина. – В интересах следствия! Оно еще идет, ты знаешь, и, я думаю, мы пока раскопали далеко не все художества этого подонка Ухаря... Но клянусь тебе своим мужским достоинством, Татьяна: Гарик в этом дельце превзошел самого себя. Это тебе не под кроватью лежать у бедняги Эдика Халамайзера по заданию его ревнивой гримзы! Старой толстой крокодилицы, набитой «зелененькими», которая купила себе мужика на двадцать лет моложе и еще хочет от него лебединой верности, вай-вай-вай!

Папазян от души расхохотался, запрокинув голову. От этого его утиный нос стал еще шире, а глаза, блестящие от алкоголя, превратились в узкие щелочки. Красавцем Гарик не был, но это никогда не мешало ему быть просто мужчиной – во всех смыслах этого слова.

– Не передергивай, кэп: под кроватью у него я не лежала. Я сидела в машине, припаркованной неподалеку от дома свиданий, и наслаждалась симфонией страсти, что звучала в наушниках. И если ты думаешь, что было очень просто в торговых рядах у Крытого засунуть «жучок» в сумочку его любовницы, которую та все время прижимала к груди, то ты очень ошибаешься, милый коллега! Право же, не знаю, что хуже: твой «Ухарь-купец» с его гориллами или одна истеричная красотка, затравленная рогатыми женами своих бойфрендов... Кстати, за эту кассету с «музыкой любви» мадам Халамайзер отвалила мне твое годовое жалованье, товарищ капитан милиции.

– Неужели? Какая несправедливость! – Гарик поцокал языком. – Что такое деньги? Все, что угодно, но только не эквивалент нашей человеческой стоимости! Гарика Папазяна не тревожит звон презренного металла, ты это знаешь. Главное – чтобы ему всегда хватало на «Мальборо», «Алиготе» и мелкую приманку для девочек. А все остальное – от лукавого!

Философ из уголовного розыска разлил по бокалам остатки «Алиготе» и протянул мне пачку «Мальборо». Щелкнул зажигалкой, выпустил витиеватое колечко ароматного дыма и пристально посмотрел мне в глаза.

– Кстати, дорогая... – В голосе капитана появились слишком хорошо знакомые мне мурлыкающие интонации, и я мгновенно насторожилась. – Не оставила ли ты и себе экземплярчик той халамайзеровской кассеты? Мы могли бы вместе прослушать ее как-нибудь вечером, после службы... А может, сами исполнили бы что-нибудь покруче, а? По-моему, нам с тобой давно пора порепетировать дуэтом, Таня-джан...

Все: прощай мирная дружеская беседа! А я-то думаю – что это наш «Кобелян» сегодня так долго держится в рамках?.. Ну, вот и накликала!

– Гарик, ты же мне обещал, черт тебя подери!!!

– Конечно, обещал, милая! – Я и опомниться не успела, как его жилистая лапа, которая крошит человеческие ребра одним ударом, завладела на столе моей рукой, свободной от бокала. – Я обещал подарить тебе небо в алмазах и все страсти ада, и все вершины мироздания... И я сдержу слово – клянусь своими будущими майорскими погонами! Ты только дай мне шанс...

– Штабс-капитан, вы скотина! – без сил простонала я...

Нет, пожалуй, надо все-таки ему отдаться, чтобы отвязался раз и навсегда! Он ведь не успокоится, пока не занесет меня в свой «кобелянский» список. Да и я наверняка не пожалую: о Гарике Хачатуровиче ходят легенды не только как о классном опере... А с другой стороны, боюсь, как бы наша дружба не лишилась всякого смысла, сведенная к банальному сексу.

Вволю насмеявшись над моими растрепанными чувствами, «штабс-капитан» объявил, что я могу не опасаться за свою девичью честь: в настоящий момент он «благодушен, как барашек на зеленом лугу». «Одна потрясная блондинка из пищеблока вчера вечером наконец-то согласилась утолить жажду измученного Гарика. Вернее, дорогая, вчера мы начали, а закончили сегодня уже по пути на работу...» А меня-де он просто хотел слегка «вздрючить»! Ловко увернувшись от целенаправленной затрещины, Папазянчик продолжал как ни в чем не бывало трепаться, нахваливая попеременно свои мужские и профессиональные достоинства.

Меня неизменно поражает и восхищает в Гарике одно его качество: при своей поистине феноменальной болтливости он умудряется бдительно следить за тем, чтобы с его длинного языка не сорвалось то, что ему не принадлежит, – хоть служебная тайна, хоть просто-напросто доверенный ему чужой секрет. Если кому-то когда-то потребуется опровергнуть ходячую фразу «болтун – находка для шпиона», то могу порекомендовать капитана милиции Папазяна: более яркого примера я не знаю. На заре нашего знакомства, еще не изучив Гарика как свои пять пальцев, я испробовала все способы вытянуть из него секретную информацию – вплоть до самого последнего средства, которое считала стопроцентным. Но так ничего и не добилась. Когда, страстно сжав зубами ментовское ухо, я протянула руку к его брючному ремню, – Гарик придержал мою руку и, обворожительно улыбаясь, изрек: «Таня-джан, если ты таким способом хочешь выжать из меня имя осведомителя – зря стараешься! Должен предупредить как честный мент: выжмешь только то, что обычно бывает в таких случаях, и не больше. Ну как, желание откусить мне ухо еще не прошло?»

Этот позорный случай из своей практики я вспоминать не люблю. Кажется, я кричала тогда, что с наслаждением откусила бы ему не только уши. А Папазян – тогда еще старлей – только смеялся и аплодировал, как в театре!

Честно говоря, за тот далекий вечерок я и решила по-женски мстить Гарiku всю оставшуюся жизнь. Конечно, счет давно в мою пользу: я отыгралась с лихвой... Пора уже полюбить Кобеляна за муки. Тем более что это не единственная причина его любить!

Когда мы узнали друг друга получше, то и наши профессиональные взаимоотношения стали значительно проще. Я поняла, что мой новый приятель – совсем не чинуша и не зануда. И что только ради двух вещей на свете он способен пренебречь своими служебными обязанностями: ради Дела и ради дружбы – если она не противоречит делу. (Ибо служебные обязанности и Дело с большой буквы – далеко не всегда одно и то же!) А Гарик понял, что мне можно

доверять, как настоящему боевому товарищу, и что иногда – как это ни странно! – и я могу быть полезна «лучшему сыщику нашего времени». Надеюсь, что все «внеслужебные» операции капитана милиции Папазяна, проведенные им совместно с частным детективом Татьяной Ивановой, никогда не дойдут до Гарикова начальства. В противном случае бедняге не только не видать майорских звездочек, но и капитанских придется лишиться!

Каюсь: обычно я вспоминаю о Папазянчике, когда мне в очередной раз требуется его помощь. Но сегодня захотелось пропустить с ним по стаканчику просто так – без всякого повода. Вернее, поводов было даже несколько, но все не меркантильные. Зима, длинный промозглый вечер, когда так хочется дружеского тепла, и – долгожданная свобода от моей клиентки Элочки Халамайзер, уполномочившей меня документально подтвердить неверность ее двадцатипятилетнего супруга... Сегодня я наконец-то с ней развязалась – думаю, что навсегда! И кто же еще мог так мастерски разрядить меня после общения с этой «новорусской» мадам, как не Гарик Папазян?!

Попутно я надеялась разузнать новости по «делу десяти старичков», о котором вот уже две недели звонили все тарасовские газеты. И на которое были брошены лучшие силы уголовного розыска, следственного отдела и городской прокуратуры. Просто так – из профессионального любопытства. Но тут Гарик остался непреклонен: праздное любопытство – это не к нему, особенно когда следствие в самом разгаре и любая утечка, как говорится, чревата.

Журналисты со свойственным им черным юмором окрестили этот «скандал в благородном семействе» – то бишь в областном министерстве социальных проблем – «делом десяти старичков». (Должно быть, по аналогии с «Десятью негритятами» Агаты Кристи.) На самом деле несчастных стариков и старух, убитых бандитами Семы Ухаря, было девять, но пишущая братия не постеснялась добавить к официальным милицейским сводкам еще один «труп» – для круглого счета и для пущего эффекта.

Все эти дедушки и бабушки провинились только тем, что были совершенно одиноки и жили в приватизированных квартирах, которые им некому было завещать. Кроме любезных их сердцу собесов, а вернее, районных центров социальной защиты, в которых все они состояли на учете. И вот в системе социальной помощи нашелся один деятель – занимавший, как я слышала, довольно высокий пост, – который решил: вовсе ни к чему спускать такие лакомые кусочки в бездонный государственный карман. Да еще и дожидаться естественной смерти «божьих одуванчиков», которые могут из вредности задержаться на этом свете. Ведь можно же поделить приварок на весьма ограниченное количество частных «кармашков» и прямо сейчас!

Высокопоставленный «социальный защитничек» сконтактировался с криминальным миром и быстро организовал внутри большой «государевой службы» собственную: службу «скорой помощи» по отправке бабушек и дедушек в мир иной. Им находили «опекунов», которые обещали молочные реки с кисельными берегами за право наследования квартиры, и бедные старички с их трехгрошовыми пенсиями не могли устоять. Ну, а все остальное было лишь делом техники, за которую отвечала группировка авторитета Ухаря. Надо отдать его ребятам должное: на этот раз они пошевелили мозгами. Только в одном эпизоде из девяти пришлось грубо зарезать «клиентку», да и то по этому делу арестовали племянника несчастной старухи – алкаша и наркомана. Во всех же остальных случаях бедняги умирали либо от сердечного приступа, либо от передозировки лекарств, падали с крутых лестниц, угорали от газа... Как говорится, комар носа не подточит!

Весь этот беспредел продолжался почти пять месяцев, в течение которых банда прибрала к рукам имущество, как я уже сказала, девяти одиноких пенсионеров. Разумеется, прессе не пришлось бы выдумывать десятого, если б в нашем доблестном уголовном розыске не работали такие зубры, как капитан Гарик Папазян. Хотя мне не удалось пока вытянуть из него подробности, даже по тем намекам, которые были в газетах, я поняла, что мои коллеги с улицы

Московской оказались на высоте. Кому-кому, а ментам журналисты не будут раздавать авансы просто так!

– Я только одного не понимаю, Танька... – Гарик так опустил на стол свой тяжелый кулак, что подскочили не только бокалы и бутылки, находившиеся непосредственно на столе, но и посетители за соседними столиками. – Сколько служу – не могу понять: откуда берется эта сволочь?! Неужели их такие же матери рожают? В голове такое не укладывается, вай-вай-вай... Ну, обмани, укради, если ты совсем подонок, – это я еще могу понять. Нет, не понять, а хотя бы объяснить! Ну, разбирайтесь вы между собой, козлы поганые, крошите друг друга: это пожалуйста, это я даже приветствую – нам меньше работы... Но убивать стариков?! Которые и так-то уже одной ногой в могиле... Подонки, с-суки. А знаешь, что тошней всего? Когда возьмешь эту мразь, держишь за горло – и ничего не можешь сделать! Ничего!!! Знаешь, как хочется иногда, чтобы этот гад у тебя на глазах своей кровью захлебнулся... Но нельзя! Надо отдавать следователям, судьям, адвокатам, чтоб им... И глядишь – опять гуляет голубчик как ни в чем не бывало да еще над тобой, поганим ментом, и смеется! Можно такое вынести, Таня-джан?

Всякий раз, когда Гарик заводит эту песню – а случается такое с ним все чаще, – я, глядя ему в глаза, искренне радуюсь, что мы с ним по одну сторону черты. Болтают, что капитан Папазян не очень вежлив со своими уголовными подопечными, когда он их «держит за горло»... Может, только болтают? На эту тему я с Гариком предпочитаю не говорить: там его вотчина.

– Брось, кэп! Не трави себе душу, а лучше закажи еще бутылочку сухенького. Ты же лучше меня знаешь, что эти правила игры – единственно возможные. Конечно, они скорее хреновые, чем идеальные, но пусть тебя утешает, что многое зависит и от самих игроков, товарищ будущий полковник!

– Э, дорогая, так долго я не проживу! Разве что с одним условием: если ты будешь подполковником! Или ты согласна только под генералом?..

Казарменный юмор вернул моему другу светлый взгляд на жизнь, Гарик заржал как жеребец и подозвал официанта.

– А что это за туманные намеки газетчиков насчет «чертовщины»? – спросила я, когда он разлил по бокалам терпкий «виноградный сок».

– А... Не знаю, зачем начальству понадобилось сообщать писакам эту деталь. Тем более что этим сейчас занимаются специалисты: нужна техническая экспертиза. Эти сволочи использовали какую-то хитрую электронику, чтобы окончательно задурить мозги старикам. Воздействовали, так сказать, на подсознание, посылали импульсы. Сначала таким путем их заставляли принять «опеку», а затем тот же «электронный суфлер» начинал подсказывать мысли о самоубийстве, о злой воле рока...

– Ты... ты не шутишь, капитан?

– Какие шутки! Ты ж сама читала в газетах, что Ухарь привлек одного крутого электронщика... Да что с тобой, дорогая?! Ты будто привидение увидела...

– Да нет, твоего «Алиготе» для этого маловато. Просто одно совпадение по части «импульсов» и задуривания мозгов... Понимаешь, соседка пристала с какой-то маразматической историей своей подружки, такой же старушенции. Будто бы у нее какие-то «явления» начались.

– Что за явления? – насторожился мой собутыльник.

– Да черт ее знает! Какие-то шорохи, голоса... Вот от меня и требовалось разобраться и вынести свой вердикт. А я за целую неделю так и не удосужилась встретиться со старушкой: эти Халамайзеры совсем доконали. Разок забежала среди дня, да ее, видно, дома не было.

– Голоса, говоришь? Так бабулька, стало быть, одинокая?

– Почти. Живет одна, но квартирка уже завещана внучку. Так что в компанию к твоим старичкам она не годится. Да там скорее всего соседи пакостят. Думаю, дело плевое.

– А-а, – успокоился Гарик, – тогда другое дело. Дерзай, коллега. Если будет нужен авторитет правоохранительных органов – обращайся, с тебя дорогого не возьму!

– Спасибо, Папазянчик. Надеюсь, на это у меня и своего авторитета хватит. Слушай... – Я неуверенно взглянула на часы. – А может, я еще успею сегодня к ней заскочить? А то перед соседкой неудобно, обещала же...

– Сидеть, гражданка Иванова! Не заставляй старого друга применять к тебе задержание по всем правилам. Куда ты сейчас попрешься – скоро девять... В этот час старуха и самому господу богу не откроет, не то что тебе! Завтра и сходишь, ты же теперь свободна?

– Как птица, – вздохнула я: Гарик, как всегда, прав. – Давай за это и выпьем, кэп. Все-таки ничего нет лучше свободы!

– Это как посмотреть, – философски заметил мой старый друг. – Если, к примеру, взять тебя и меня, особенно в смысле свободной любви, – то я обеими руками за, дорогая! А вор должен сидеть в тюрьме.

В этот момент в кармане его джинсовой куртки запищала рация. Что и требовалось доказать! И так нас слишком долго не беспокоили: целых два часа.

Гарик вытащил антенну, ответил на вызов и приложил рацию к уху. По мере того как он слушал, его глаза становились все более холодными, трезвыми и деловыми.

– Понял. Есть, товарищ подполковник! Сейчас буду.

– Все, Таня-джан. Накрылась наша с тобой пьянка, – извиняющимся тоном сказал капитан.

– Я так и поняла. Что стряслось – можешь сказать?

– Да все равно завтра из газет узнаешь... Туза грохнули, землячка моего. Догулялся со своими девками, мать твою...

Я присвистнула: новое громкое убийство!

– Туз, говоришь? То бишь Манукян, «король зеленого сукна»? Ни хрена себе!

– Вот и я говорю... Это к вопросу о том, что Сема Ухарь все еще преподносит нам сюрпризы. Вот и очередной, я думаю. У него ж с Тузом были старые счеты, у нашего Семы... Ладно, Таня-джан, бывай! Прости, что не смогу проводить.

– Не бери в голову, Гарик: так мне даже спокойнее.

Глава 3

Следующий день, который так сладко обещал накануне стать первым днем моей свободы, да к тому же еще выпал на воскресенье, начался с оплеухи.

Не обремененная никакими обязательствами, я проснулась гораздо ближе к обеду, чем к завтраку. Потом еще примерно час боролась с искушением не покидать постель до вечера: в квартире было, мягко говоря, не жарко, и вылезать из-под уютного одеяла не хотелось. Выгнало же меня оттуда смешанное чувство голода и долга: я вспомнила, что вчера не вынимала почту. Стало быть, в любом случае требовалось одеться и спуститься к почтовому ящику. Или, может, черт с ней?..

Тяжело вздохнув, я потянулась к небольшому замшевому мешочку, лежащему на прикроватной тумбочке. Гадание на двенадцатисторонних цифровых костях – мой традиционный, проверенный способ ориентирования в сложных жизненных ситуациях. То, что нынешняя «сложная ситуация» сводилась к дилемме «вставать – не вставать», нисколько меня не смущало. Вернее, я в этом себе даже не призналась.

Ну-ка, косточки, что вы мне напророчите? Хорошо бы – «письмо любовного содержания, которое принесет счастье»... Ах! Увы, увы... Даже в первый день свободы нет мне покоя!

«19 + 1 + 33». Символы означают «увлечение делом». «Живой интерес к нему не позволит лени проникнуть в вашу жизнь».

Ладно уж: не позволит так не позволит. Принесу эту маленькую жертву. А потом не спеша напьюсь кофе и подумаю, каким бы таким делом мне увлечься.

Я накинула шубу прямо на халат и спустилась на первый этаж. Забрав почту, я развернулась обратно к лифту, и тут за моей спиной хлопнула дверь подъезда.

– Танюша, это ты? Подожди, дорогая!

Это была Альбина Михайловна в своем зеленом пальтишке с бурым песком, который бегал по тундре, должно быть, еще в прошлом столетии. Ее глаза за толстыми стеклами очков казались еще больше выпученными, потому что были заплаканы.

– Танечка... Варвара Петровна...

Соседка ткнулась носом в воротник пальто и беззвучно затряслась, привалившись к исписанной стенке подъезда.

– Что вы, Альбина Михайловна, что вы... Да что произошло-то?!

Подсознательно я, конечно, сразу догадалась. Но как не хотелось услышать, что вчерашние мои смутные предчувствия в кафе оказались «в руку»!

– Умерла... моя Варенька-а-а...

– О боже мой... Когда же? Как?!

Я прижала Альбину Михайловну к своей груди.

– Вчера... вечером. Врач... сказал. Сердце-е-е...

– Ну, успокойтесь же, этим делу не поможешь. Кто ее нашел? Когда?

– Андрюша, внук. Забежал сегодня... утром. Лекарство принес... Бедный мальчик!

Женщина снова зарыдала.

– Вот она... судьба! Только что мы с тобой... о ней говорили... Думали... как ей помочь, и вот... Уже ничего не ну-ужно-о...

– Альбина Михайловна, я вас умоляю! Своими слезами вы Варвару Петровну не воскресите, а вот себя в могилу свести можете. И кому от этого будет лучше?! Пожалуйста, постарайтесь успокоиться и расскажите все толком.

Я правильно выбрала аргумент: он возымел действие. Пока мы дождались лифта и доскрипели до нашего шестого этажа, Альбина Михайловна немного пришла в себя. И когда я завела ее к себе на кухню, смогла говорить уже более-менее связно:

– Да что рассказывать-то, Танюша? Такая наша старикинская доля: сегодня она, а завтра – я... Все под богом ходим! Телевизор она смотрела, бедняжка. Так и уснула перед телевизором... Когда Андрюша пришел в половине восьмого, он еще работал – телевизор-то.

– А дверь была заперта?

– Ах, да почему я знаю, Танечка! Разве я об этом спрашивала – в такой-то момент... Мне в одиннадцать часов позвонила Оля Журавлева, она в том же доме живет. Только что фильм кончился. Ну, я сразу и побежала туда. Там уже куча народу, конечно: соседи, старушки... Андрюша, разумеется, тоже там был, бедный мальчик. Весь потемнел: любил он бабушку, Танечка, это нынче редко... Ты про дверь спросила? Наверное, заперта была, а как же еще? У Андрюши свой ключ есть, мне Варя говорила: на всякий случай ему дала. Ну, так вот он и случился...

Она была готова опять захлопать носом, но я вовремя перебила слезы целым залпом вопросов:

– Что в заключении о смерти сказано, вы знаете? А милицию вызывали? Соседей опрашивали?

– А зачем милицию-то? – поразились Альбина Михайловна и тут же вытаращила глаза: – Да ты что же это думаешь – что Варю могли?... Ой, Танюша, бог с тобой, страсти какие!

– Какие же страсти, когда сами вы мне рассказывали про «странные явления»? И, между прочим, подозревали ее соседей... Всяко может быть, Альбина Михайловна.

– Да что ты, что ты! Нет, ты это брось. И никого я не подозревала, дорогая моя! Одно дело – подозревать, что кто-то кому-то таракана в суп подбросил, и другое дело – убийство... Ужас какой! Нет уж, Танечка: лучше тебе забыть, что я тогда говорила. Зачем это теперь... И почему ты вообще думаешь, что это как-то связано со смертью Варвары Петровны?!

– Тогда и я могу спросить вас: а почему вы думаете, что не связано? Как большой знаток и ценитель детективного жанра, вы должны знать, что не стоит с ходу отбрасывать ни одну версию – именно она и может оказаться правильной.

– Почему я думаю?..

«Знаток и ценитель» была явно обескуражена, но сдаваться не собиралась.

– Почему, почему... Да потому, что никакой милиции там не было, когда я пришла! И люди ни о чем таком криминальном не говорили – а уж там собрались такие всезнайки, что палец в рот не клади! Про сердечную недостаточность говорили. «Хорошая смерть», говорили: раз – и готово... Не мучилась. Неужели ты думаешь, что если бы было что-то подозрительное, то Андрюша не вызвал бы милицию? И что та же Оля Журавлева об этом не узнала бы и не раззвонила по всей округе?!

Я только возвела глаза к небу и усмехнулась.

– Удивляюсь я вам, Альбина Михайловна: почему это вы с вашей логикой и дедуктивными способностями живете на одну пенсию? Вам бы в сыщики: самого Шерлока Холмса заткнули бы за пояс!

Соседка ушла разобиженная, и я запоздало пожалела о вставленной шпильке. Ну в самом деле – что с нее возьмешь? Тем более – подружку потеряла... А в этом возрасте, наверное, каждая такая потеря – это и для тебя самой «звоночек»: готовься, голубушка, скоро и твой черед... А, ладно: снявши голову – по волосам не плачут!

Воскресный денек явно не задался, и кофе я выпила без всякого удовольствия. Любимый напиток отравил чувство смутной вины и откровенной досады.

Досада охватывает меня всегда, когда случается непоправимое – особенно со смертельным исходом. Может быть, это называется совестью, может – человеческой душой, не знаю... В такие дебри я стараюсь не углубляться: можно там увязнуть. Не исключено, что это всего-навсего срабатывает профессиональный инстинкт: если, как говорится, «кто-то кое-где у нас порой...» – значит, это мы плохо ведем наш «незримый бой», ошибаемся в стратегии и тактике.

Но досада досадой, а вот ощущение вины... Откуда оно? Анализируя свое бездействие в отношении Варвары Петровны Прониной (с которой я даже знакома не была!), я – хоть убей! – не могла усмотреть в нем состава «преступной халатности». Да, я не встретила со старушкой, хотя обещала, – вот и вся «халатность»! И даже не по своей вине не встретила: я не соврала Гарику – действительно забежала к ней. Дала целых три звонка с хорошими промежутками (за это время даже черепаха подползла бы), но за скромной дверью с номером «51», выкрашенной светло-коричневой краской, так и не послышалось ни звука... Что же мне – поселиться под этой дверью надо было?! Нет уж, увольте: у меня есть работа, между прочим, хорошо оплачиваемая!

Шатаюсь по квартире, бесцельно переставляя и роняя вещи, я все больше распаляла себя контраргументами. И вообще: какие у меня были факты, чтобы подозревать покушение на бабушку Варю? Так, ерунда собачья: домыслы Альбины Михайловны, «сыщика без лицензии». Одни разглагольствования о «явлениях», а на деле – только «неопознанный» стук в дверь... Курам на смех! Ты вот, Таня дорогая, давеча съязвила по поводу женской логики своей соседки, а ведь она права: нет ровным счетом никаких причин, чтобы связывать смерть Варвары Петровны с этими самыми метаморфозами, если даже они и имели место!

Вернее, не было – до вчерашнего вечера. Когда я узнала от капитана милиции Папазяна некоторые интересные детали «дела десяти стариков». Тьфу ты, черт – девяти! Де-вя-ти! И еще тогда, сразу, мелькнуло смутное подозрение: а не является ли Варвара Петровна кандидаткой на десятое место? Правда, основания для таких подозрений были более чем жидкие: никакие «опекуны» к Прониной не набивались (по крайней мере, об этом ничего не известно), да и квартира ее уже завещана внуку... Но ведь – мелькнули же они, эти проклятые подозрения! А ты отмахнулась... Хотела пойти к ней вчера – и не пошла. А пошла бы – могла б вызвать «Скорую», и бабулька была бы жива! Она ведь, кажется, именно в то время умерла...

Проклятие!!! Получается – я кругом виновата. Вот тебе и «смутная» вина! Все яснее ясного, Таня дорогая. Э, а это еще что такое?.. Куда намылилась?!

Я вдруг обнаружила, что стою в прихожей, уже в шубе и сапогах, и нахлобучиваю шапку перед зеркалом. Объяснение могло быть только одно: я собиралась отправиться в дом номер пятьдесят два на своей улице, в ту однокомнатную квартирку на пятом этаже, дверь которой сейчас наверняка не заперта...

Ч-черт... Черт бы побрал этих газетных писак: наклеили еще одну смерть, это уж точно!

Разумеется, ругать журналистов – да и вообще кого угодно – было гораздо приятнее, чем сказать себе прямо: дура ты, Таня, дура! Куда прешься? Что ты там будешь делать – рыскать вокруг гроба, выискивая вещдоки? Набиваться в работники к примерному внучку покойной?.. Раньше надо было идти, а теперь – сиди уж!

Я злобно швырнула шубу на вешалку, шапку – в другую сторону и стянула дорогую обувь из бутика с таким остервенением, точно это были пыточные «испанские сапоги» средневековых инквизиторов. Покончив с этим, в раздумье остановилась посреди передней. Потом аккуратно водворила поверженные сапоги на их законное место на подставке, подобрала шапку, бережно повесила шубу на плечики... И уже совсем другим манером – уверенным, хозяйским – обошла дозором свои владения: что бы еще сделать полезное и созидательное?

Хватит, в самом деле, заниматься самоедством. Какого черта?! В конце концов, нельзя же думать только о работе, частные детективы тоже имеют право на отдых! Ах да: судьба прописала мне в качестве лекарства от лени «увлечение делом»? Прекрасно: давно пора устроить большую стирку!

Глава 4

Когда через три дня – часов в двенадцать – раздался тот самый телефонный звонок, я уже почти совсем забыла и Варвару Петровну Пронину, и свои виноватые сомнения. Однако голос с едва заметным армянским акцентом сразу вернул меня к исходной точке давешних самокопаний.

– Привет, дорогая! Конечно, ты еще не вылезла из постели, старая бездельница? Черт, как бы я хотел сейчас послать к дьяволу служебные обязанности и оказаться на месте твоего одеяла...

– Не мурлыкай, Кобелянчик: еще не март месяц! Ты только затем и позвонил мне в такую рань, старый развратник, чтобы смущать бедную девушку бесовскими речами?

– Увы, увы! Ты прямо как наш подполковник Колесниченко: здорово умеешь сломать кайф... Конечно, «в такую рань» я могу тебе звонить только по делу.

Призывное мартовское мяуканье сразу превратилось в деловой, почти что официальный тон: еще одно поразительное свойство капитана Гарика Папазяна.

– Помнишь, ты говорила про старушку, свою соседку? Ну, у которой какие-то там проблемы? Давай-ка мне ее координаты: надо все-таки проверить. Открылись, понимаешь, кое-какие новые факты по тому делу.

Сердце сразу упало куда-то в желудок – хотя в лежачем положении тела такое представить трудновато...

– Поздно, Гарик. Ее позавчера похоронили.

– Что?! Как... Да ты сечешь, что это значит, сыщица хренова?!

Далее последовала такая крутая подборка ненормативной лексики из двух языков, что мне пришлось отодвинуть трубку от уха. Еще один несомненный талант моего друга, который сейчас, правда, отнюдь не показался мне забавным.

– Потихе, кэп. Сбавь обороты и побереги свое красноречие для более подходящего случая! Смерть Прониной не имеет никакого отношения к «делу десяти стариков». И вообще ни к какому делу, понимаешь? Дурацкое совпадение, Гарик, не больше! Да, соседи-алкаши доставали старушку – это одно. А тут у нее случился сердечный приступ – это другое!

Не отдавая себе отчета, я начала шпарить словами Альбины Михайловны.

– Поблизости никого не оказалось, телефона нету. Даром что ветеран войны: четыре года простояла в очереди, а проклятого телефона так и не дождалась... Вот и все: гроб и поминальная кутья. Может, кто-то и ответит перед богом на страшном суде за ее сердечную недостаточность, но нашему земному Уголовному кодексу тут зацепиться не за что, Папазянчик!

– Ишь ты, как заговорила! Больно умная стала! Давай адрес старухи, быстро!

Я покорно назвала ему номер дома и квартиры, в которой больше никто не жил. Прибавила сюда же и имя внука Варвары Петровны – «славного мальчика», о котором я, как выяснилось, не знала ничего, кроме имени. Гарик злобно сопел на другом конце провода.

– Дурацкое совпадение, говоришь? – ехидно выдавил он, когда я кончила свои краткие показания. – Ну, Татьяна, молись, чтобы это было так!

И капитан швырнул трубку – как мне показалось, прямо на мою барабанную перепонку. Я уронила руку с мобильником и с отвращением отпихнула от себя телефон.

Да что же это такое, господи?! Почему меня никак не оставят в покое? Единственное, чего я хочу – чтобы мне хотя б недельку не портили настроение с утра! Но, похоже, я хочу слишком многого.

Ни контрастный душ, ни питательная маска из грецких орехов с медом, ни кофе с гамбургерами, доведенными до кондиции в микроволновке, не вернули мне утраченного душевного равновесия. Я попробовала бороться с моральным дискомфортом теми же средствами,

что и с ленью физической, но тоже не имела успеха. Только зря выбросила на кровать все вещи из платяного шкафа. Отчаявшись навести в нем порядок и убедившись, что лень в этот раз торжествует победу, я просто завалилась на кровать поверх своих вечерних туалетов от Версаче и деловых костюмов от нашего отечественного Тома Клайма. На сердце у меня скребли все мартовские коты, вместе взятые.

Неужели этот грубиян прав и я в самом деле так лажанулась с Варварой Петровной? Да нет, не может быть... А почему, собственно, не может? Потому что тебе, Таня дорогая, не хочется признавать, что ты попросту поленилась, матушка! Но ведь это для преступников не аргумент, ты должна понимать. Преступления имеют неприятное свойство совершаться даже тогда, когда некоторым частным сыщикам очень не хочется с ними возиться!

«Ты, конечно, можешь возразить, – продолжало меня отчитывать мое „альтер эго“, – что частные сыщики тем и отличаются от своих коллег с погонами, что могут выбирать, какое преступление им расследовать, а какое – нет. Да, это так. Ну, а где же „наше чувство долга“? Где совесть? Где чувство благодарности по отношению к старшему поколению, где, наконец, социальная ответственность богатых и здоровых перед бедными и больными?.. И то, что на твоём банковском счете лежит кругленькая сумма – разве это недостойная причина, чтобы оторвать, извини, свою задницу от койки ради бедной одинокой старушки?..»

«Хватит, заткнись! – рявкнуло, не выдержав, первое и главное „я“. – Раскудахталась, понимаешь... Слышал бы тебя Гарик Папазян – помер бы со смеху: „благодарность“, „социальная ответственность“... Просто скулы набок воротит!»

«А вот и нет: Гарик как раз со мной согласился бы! Уж он-то знает, что такое долг и социальная ответственность, и не станет смеяться над этими святыми понятиями...»

«Ладно, сама знаю, что согласился бы. У этого утконоса служебный долг – такой же „пунктик“, как и сексуальный долг перед всеми бабами на свете. К черту Гарика! Не поднимай бурю в стакане воды. Я все равно не смогла бы ничего сделать для этой бабульки, тем более теперь, когда она сыграла в ящик... Кстати, никакая она не одинокая: у нее внушек есть – тоже, между прочим, молодой и небедный. Постой, постой... А как ты смотришь на то, что именно он и мог спровадить бабулю на тот свет?!»

Неожиданная версия ошарашила не только «альтер», но и основное «эго». Признаться, мысль о возможной причастности Андрея посетила меня впервые. Впрочем, это, конечно, случилось бы раньше, если б я вообще дала себе труд задуматься об этом дельце всерьез. Но, говорят, пока гром не грянет, мужик не перекрестится... К сожалению, к представительницам прекрасного пола это также относится – даже к имеющим лицензию частного детектива!

А в самом деле: он чертовски подозрителен, этот «примерный мальчик»! Начать с того, что восторженная Альбина Михайловна – кстати, собственных внуков не имеющая, впрочем, как и детей, – восхваляла его буквально через слово. Одно это настораживает: может, он только хотел казаться примерным? Правда, видимых причин устраивать бабушке искусственный «карачун» у парня не было – квартирка-то и без того была завещана ему... Но ведь могли быть причины невидимые, о которых я и предполагать не могу. К примеру, ему могли срочно понадобиться деньжата, а тут бабкино благоустроенное жилище в самом центре города: приличные «бабки», я вам скажу... Ха, вот и каламбурчик получился!

Однако невысокого же вы мнения о роде человеческом, Татьяна Санна... Чтобы внушек единственную бабушку... за какую-то поганую квартиру... Брр! Впрочем, бывали случаи, что не токмо за квартиру, а за какой-нибудь последний стариковский червонец от пенсии. Вот так-то, господа человеколюбы и душеведы!

А ну его, в самом деле! Какая мне забота? Уж теперь-то я могу не волноваться за этого парнишку: доблестный Гарик Папазян навалится на него всей мощью милицейской машины. Уж он-то вытрясет из этого компьютерного щенка правду – если там есть что вытряхивать! И даже если нечего – тоже: капитан по этой части большой спец...

Я сладко потянулась на своих тряпках. Что-то опять в сон клонит... Батюшки, да и немудрено: уже седьмой час! На улице тьма-тьмущая... Вот и денек пролетел! Все в делах да в заботах, а о себе подумать некогда... Но ведь еще не вечер: соображай, Таня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.